

Три «О». Галина Оборина

ТЕКСТ СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ОБОРИНЫХ

Художник Галина Оборина (1918–1969) так хотела назвать выставку, где были бы её картины, её мужа Петра Оборина (1917–2005) и дочери Елены (р. 1939). Ах, какое бы это могло быть событие! Но не случилось. Галина Оборина умерла майской ночью 1969 года от кровоизлияния в мозг, ей было чуть за 50. Они жили в Мотовилихе, на улице Культуры, которая теперь носит имя директора Мотовилихинских заводов Лебедева. Соседний дом дал трещину: оказывается, его построили над заброшенной шахтой. Жильцов переселили. Пётр Оборин написал в своём дневнике: «Нам сказали, чтобы готовились к выезду. Вечером понервничали. А ночью...»

Елена Оборина показывает этюдник мамы. «Посмотрите, — говорит она, — краски какие тогда были: с 1969 года не высохли». Вместе с красками, под палитрой, лежит и упаковка валидола того времени: Галина Оборина давно болела. Здесь же её последний этюд — белые палатки на берегу синей реки — и чистая палитра. «Мама всегда следила за палитрой», — говорит Елена, бережно закрывая этюдник и складывая в один из бесчисленных ящиков: из них, альбомов и стеллажей с картинами и состоит вся небольшая двухкомнатная квартира.

Когда возникает какой-нибудь вопрос, Елена на секунду задумывается, а потом вскакивает и очень точно вытаскивает альбом, тетрадь, фотографию или этюд. У неё пластика молодой девушки, которой зачем-то 77 лет. «Очень редко, когда наследники так заботятся о памяти своих родителей, такими добродетельными к исследователям и галеристам бывают», — говорит владелица галереи «Марис-Арт» Татьяна Пермякова, а уж она-то знает!

У Елены Обориной всё хорошо упаковано: каждый альбом в пластиковом пакете, все папки подпи-

В АПРЕЛЕ 1984 ГОДА
СОБРАЛ «ВМЕСТЕ
ПОЛПУДА СВОИХ
ЗАПИСЕЙ-РЕФЛЕКСИЙ,
ПЕРЕВЯЗАЛ И СЖЁГ.
И ПОЧТИ НИЧЕГО
НЕ ОСТАЛОСЬ. ЖАЛКО:
ЖИЗНЬ ВСПОМНИТЬ
ПОЧТИ НЕ С ЧЕГО»

саны. Пётр Оборин тоже был аккуратистом — всю жизнь вёл дневники и записи. Только в апреле 1984 года собрал «вместе полпуда своих записей-рефлексий, перевязал и сжёг. И почти ничего не осталось. Жалко: жизнь вспомнить почти не с чего», — написал он спустя время.

За день до этого он выступал в галерее перед молодёжью. Рассказывал о том, как работал в агитмастерской во время войны. «По блокнотным записям тех лет я просто вспоминал, живо восстанавливая в памяти отдельные эпизоды той поры». Хорошо, что часть документов работники ПГХГ уже забрали в свой архив: так, до нас дошли списки эвакуированных художников с пометками рукой Петра Оборины «нужны дамские валенки», «туфли 38-го размера», смена белья — тогда всё было проблемой, всё нужно было доставать, а он, как член правления союза художников, отвечал за бытовой сектор.

Он ведь не только дневники на мусорку относил, но и картины свои сжигал. Елена Оборина говорит, что больше всего ей жаль портрет камнереза Михаила Лисунова. Такое, говорит, было удивительное сочетание мощной фигуры камнереза и хрупкой вещи, которую он держал в руках, что эта картина, возможно, затмила бы «Первый успех», ставший визитной карточкой не только художника, но и региона.